

Рысий крест

И другой раз молвила Рысь – терпеливо, но грёзко:

— Не хламоти объёмы, пернатый! Изъиди. Светом дышать мешаешь, а я им думаю.

Мало, что выглядел Пупа неподобающе, почти неприлично – тому хоть не сам, тому генный “квн” причиной, так явился ещё и весь в ляпках: то ли жижным урызган чем, то ли фишками модными уляпан хипстерскими; но нет – всё же брызгами, от которых и отряхнулся на птичий манер, засумотшив перьями. Затем, осмыслив не без натужности рысий мессидж, Пупа всплугом вспорхнул на другую ветку: контур его, пятнавший Светило, сверкнул абрисами, да и сгорел в закате, само ж нелепое тело осталось, но то Рысь беспокоило мало, поелику не пахло опасностью, только вот вонью – Пупиной да парфюмерной.

— Со всей очевидностью – в замуж!.. В замуж, девушка, в замуж!.. Сразу придёт успокоение и понимание...

Повисла-рассыпалась дробью пауза, а рассыпавшись – заметалась в ожидании Годó лютого.

— Ну, и кто так сказал?

— Так говорит я – Пу́па!

— Пу́па, значит... Нечто, по прозвищу Пу́па...

Подраздúмила имечко странное Рысь, на вкус, на язык потетёшила: на семантику...

Прозвище вроде б и не срамноё, да уж больно с намёками... Озорно́ глаз прищурила, молвила:

— Как судно назовёшь, так оно и потонет.

— Пу́па не судно: в воде мокро и гадко, а у Пу́пы – совесть немóченная! Пу́па – ливер-Попугай.

— Так и я о том же...

Тут-то Рысь разом и озадумилась – уж серьёзом: погружало её, не спросясь, в накопившуюся, накипевшую неизбежность: вокруг явственно запорхали печальки пёстрыми бабочками: радужными, бархатными, ликующими; на небо ж наполнили густые хма́ры, стекали на склоны мглистыми смúрами, и склоны тем разом оделись в тоску да сочувствие... Ливер... вражина карха́дская... вот и погуляли! а как вечер-то хорошо зачинался... придавити, что ли, гнусятину досадную?.. так верезжания ж, вопли окрест затеются, учинятся, замножатся! – ливера́тия доморощенная хоралом вспоёт, сокола́ми взовьётся, зачнёт в тамбурины совести камлать яростно – абстрактной совести, ясен пень, своей-то у них и отродясь не было... скандальцем, опять же, междустадным обернётся всенепременно...

... однако ж: пусти на постой ливераста, и кабан-сосед покажется милой зверюшкой застенчивой...

... а коли то ещё и меньшина какая – вовсе худо, хуже чумы, да что там чумы! – диареи экссудативной... а чем мельче меньшина, тем вони-то больше...

... всё одно: лучше Пу́па на ветке, чем в трюме Акула ... или Кабан в трюмо́... как-то так... не очень, чтоб убедительно, но в чём-то похожем Тур заверял – где-то читал, стало быть, знает!..

И Рысь, нервно зевнув да вздохнув по-самочьи всхлипом, понесла свой крест: всестерпимость на неё взваленную, незваную, негаданную да негодную...

Тако ж и нам: не спешить клыком! не сверкать когтём! возводя хулу́ на терпение длинное...

Вот и Сказ наш таков: неспешно течёт, да своим чередом – мимо кривды петля излуками: где-то любезно, где-то в укор, ну а внукам – наукою.

А науки всегда – меж восторгом и скукой...